

## Исключение участника как способ принудительного расторжения корпоративной сделки

**Аннотация.** В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы, связанные с имплементацией механизма исключения участника хозяйственного общества в российском корпоративном праве. Механизм исключения анализируется с позиций экономического анализа права и представления о корпорации как сделке между ее участниками и менеджментом. Целью исследования является теоретическое осмысление института исключения участника в качестве одной из форм расторжения договора и описание отдельных проблем, связанных с его применением. В результате исследования автор приходит к выводу, что механизм исключения участника построен по модели судебного расторжения договора в связи с его существенным нарушением, адаптированной к особенностям корпоративной сделки. Требование к объему корпоративных прав, которые должны принадлежать истцу по иску об исключении другого участника, по мнению автора, не соответствует природе корпоративных отношений и может быть заменено альтернативными барьерами. Предложенные законодателем основания для исключения с учетом нормативных разъяснений высших судов по своей сути сходны с критериями существенного нарушения договора и обеспечивают баланс между универсальностью и казуистичностью указаний для арбитражных судов в конкретных спорах. Автор делает вывод о необходимости актуализации законодательного регулирования института исключения участника хозяйственного общества посредством принятия ряда диспозитивных норм, в том числе в части установления компенсации исключаемому участнику и определения критериев существенного нарушения корпоративной сделки как основания для исключения.

**Ключевые слова:** предпринимательское право; корпоративное право; исключение участника; договорная природа корпорации; корпоративная сделка; расторжение договора; свобода договора; корпоративные конфликты; договорное право; корпоративные споры.

**Для цитирования:** Никольский Д. А. Исключение участника как способ принудительного расторжения корпоративной сделки // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 4. — С. 84–98. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.084-098.

---

© Никольский Д. А., 2025

\* Никольский Даниил Александрович, аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)  
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993  
danikolskiy@gmail.com

## Exclusion of a Member as a Means of Forced Termination of a Corporate Transaction

**Daniil A. Nikolskiy**, Postgraduate Student, Department of Entrepreneurial and Corporate Law,  
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation  
danikolskiy@gmail.com

**Abstract.** The paper addresses theoretical and practical issues related to the implementation of the mechanism for excluding a member from a business entity in Russian corporate law. The author analyzes an exclusion mechanism from the perspectives of economic analysis of law and the concept of a corporation as a transaction between its participants and management. The aim of the study is to theoretically conceptualize the institution of member exclusion as a form of contract termination and to describe specific issues related to its application. The author concludes that the mechanism of excluding a member is modeled on the basis of judicial contract termination due to a substantive breach, adapted to the peculiarities of corporate transactions. The requirement for the volume of corporate rights that must belong to the plaintiff in a lawsuit for the exclusion of another member, in the author's opinion, does not correspond to the nature of corporate relations and can be replaced with alternative barriers. The grounds for exclusion proposed by the lawmaker, taking into account the normative explanations of higher courts, essentially align with the criteria for material breach of contract and provide a balance between the universality and specificity of guidelines for arbitration courts in particular disputes. The author suggests the need to update legislative regulation of the institution of excluding a member from a business entity by adopting a number of dispositive norms. This includes establishing compensation for an excluded member and defining criteria for a substantive breach of a corporate transaction as grounds for exclusion.

**Keywords:** entrepreneurial law; corporate law; exclusion of member; contractual nature of corporation; corporate transaction; contract termination; freedom of contract; corporate conflicts; contract law; corporate disputes.

**Cite as:** Nikolskiy DA. Exclusion of a Member as a Means of Forced Termination of a Corporate Transaction. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(4):84-98. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.084-098.

**М**еханизм исключения участника из корпорации, инкорпорированный в законодательство об обществах с ограниченной ответственностью с момента вступления в силу специального корпоративного закона в 1998 г.<sup>1</sup> и распространенный на акционерные общества вместе с включением в общие положения ГК РФ о хозяйственных обществах с 2014 г.<sup>2</sup>, занял ключевое место среди способов защиты прав и интересов, доступных участникам непуб-

личных обществ, в качестве последней меры воздействия на другие стороны корпоративной сделки<sup>3</sup>, грубо нарушающие свои обязанности по отношению к корпорации и тем самым блокирующие ее эффективную деятельность. Уточненный многочисленными нормативными разъяснениями высших судов<sup>4</sup>, этот институт активно применяется в юридической практике в ситуациях корпоративного конфликта<sup>5</sup> и уклонения от участия в управлении обществом<sup>6</sup>.

---

<sup>1</sup> Ст. 10 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785 (далее — Закон об ООО).

<sup>2</sup> Абз. 4 п. 1 ст. 67 Гражданского кодекса Российской Федерации // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

<sup>3</sup> Здесь и далее под корпоративной сделкой автор понимает сложную систему отношений между участниками корпорации и лицами, составляющими ее органы управления, которой под влиянием теории транзакционных издержек и других концепций экономического анализа права придается договорная природа.

<sup>4</sup> П. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ от 09.12.1999 № 14 «О некоторых вопросах применения Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью”» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 3 ; информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 № 151 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8 ; п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015

Право потребовать исключения участника из общества также стало популярным предметом юридических исследований: авторы посвящали ему обширные работы, анализируя проблемы природы и справедливости этого права<sup>7</sup>, и затрагивали отдельные вопросы в рамках этого механизма, например в контексте реализации прав мажоритарного акционера<sup>8</sup>. В работе предлагается взглянуть на механизм исключения участника через призму договорной природы корпорации, то есть представить его как законодательно закрепленный способ принудительного расторжения корпоративной сделки<sup>9</sup>. Мы оценим справедливость и обоснованность исключения такого расторжения из общего для частного права принципа автономии воли и специального принципа свободы договора, а также рассмотрим возможности для расширения диспозитивности этого механизма в целях его более точной подстройки

под отношения сторон в каждой конкретной ситуации.

Понимание корпорации (общества, компании, фирмы и прочих сходных понятий, имеющих отдельные различия, но в целом обозначающих юридическое и экономическое объединение лиц и капиталов<sup>10</sup>) как определенного договора исторически началось с экономической теории фирмы Р. Коуза, объясняющей ее как способ организации отношений между экономическими акторами, влекущий снижение транзакционных издержек по сравнению с индивидуальной формацией<sup>11</sup>. Это сугубо экономическое понимание со временем было полноценно воспринято школой экономического анализа права и закреплено в западной юридической науке в качестве теории «пучка контрактов» (*nexus of contracts*), связывающих участников корпорации, ее менеджмент и контрагентов<sup>12</sup>. Российская же доктрина<sup>13</sup> в

№ 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8 ; п. 7–9 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 декабря 2019 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5.

<sup>5</sup> См., например: постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 15.06.2021 № Ф01-1479/2021 по делу № А43-16819/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.04.2021 № Ф05-20581/2020 по делу № А40-25897/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>6</sup> См., например: постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16.07.2021 № Ф02-2756/2021 по делу № А33-18416/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 09.11.2022 № Ф07-16452/2022 по делу № А56-74113/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>7</sup> См., например: *Абдулкадиров Т.* Принудительное исключение участника из непубличной компании : монография. М. : Юстицинформ, 2021 ; *Кузнецов А. А.* Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. М. : Статут, 2014.

<sup>8</sup> *Бирюков Д. О.* До минор: реквием для миноритариев в мажорной тональности / вступ. сл. И. С. Шиткиной. М. : Статут, 2020.

<sup>9</sup> Подробнее о такой концепции см.: *Цепов Г. В.* Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью как принудительное расторжение корпоративного контракта // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 10. С. 96–113.

<sup>10</sup> Для целей нашего исследования предлагается поставить знак равенства между этими терминами и, поскольку работа концентрируется на российском праве, рассматривать их в качестве синонима понятия «хозяйственное общество», как его понимает Гражданский кодекс РФ. Многие положения работы будут применимы и к иным организационно-правовым формам корпоративных юридических лиц, но для целей этого исследования мы предлагаем ограничиться хозяйственными обществами как наиболее востребованной формой.

<sup>11</sup> *Коуз Р.* Природа фирмы // Теория фирмы. СПб., 1995. С. 11–32.

целом не исходит из возможной договорной природы корпорации или просто не задумывается о ней, что, вероятно, вызвано практической ориентированностью большинства корпоративных исследований<sup>14</sup>. Но юридическое сообщество всё же постепенно восприняло научные идеи, активно развивающиеся в правовых порядках, из которых произошла рецепция многих норм российского корпоративного права, и отдельные ученые выступили с заявлениями о наличии определенных договорных элементов в российских хозяйственных обществах и их регулировании: Д. Степанов, например, предложил квалификацию устава и иных юридических фактов корпоративного права в качестве многосторонних сделок<sup>15</sup>, когда как А. Кузнецов выступил за системное применение принципа автономии воли к корпоративным отношениям, хотя и не признал их договорную природу<sup>16</sup>. Подобные идеи не остались в границах научных исследований и проникли в судебную практику, в том числе Верховного Суда РФ, который, например, указал, что в основе хозяйственного общества лежит товарищеское соглашение участников (учредителей), носящее в силу своей правовой природы гражданско-правовой характер<sup>17</sup>. Хотя комментаторы и отмечают, что эта пози-

ция имеет существенное значение скорее для признания фидуциарных обязанностей участников корпорации по отношению друг к другу<sup>18</sup>, отступление судей от традиционного понимания юридического лица как специальной фикции, не имеющей природы или основания за пределами самой себя, уже можно воспринять как позитивное событие для легитимизации договорной модели корпорации.

В рамках работы мы не хотели бы вступать в спор о договорной или иной природе корпорации, а также подробно обосновывать тезис о том, что корпорация представляет собой совокупность договорных отношений. Мы предлагаем сделать определенное научное допущение и, продолжая правило о субсидиарном применении общих положений об обязательствах к корпоративным отношениям<sup>19</sup>, распространить на отношения между участниками хозяйственного общества в том числе механизм их принудительного прекращения, принципы автономии воли и свободы договора. Это позволит при научном изучении механизма исключения участника сместить внимание с вопроса «что является основанием для исключения?» на вопросы «должно ли принудительное исключение быть присуще корпорации и если да, то что должно

<sup>12</sup> Eisenberg M. A. The Conception That the Corporation Is a Nexus of Contracts, and the Dual Nature of the Firm // The Journal of Corporation Law. 1999. Vol. 24. No. 4. P. 830.

<sup>13</sup> Мы отметим существование в отечественной юридической науке различных концепций корпоративных отношений, представляющих их, помимо прочего, как отношения власти (например: Кулагин М. И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо. М., 1987. С. 27–29), социальные отношения (например: Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Норма, Инфра-М, 2014. С. 51) или фикцию, возникающую в целях устранения ответственности контролирующих лиц (например: Ломакин Д. В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник ВАС РФ. 2012. № 9. С. 6–33).

<sup>14</sup> См., например: Чупрунов И. С. Отдельные проблемы реализации преимущественного права покупки доли (акций) // Вестник гражданского права. 2020. № 6. С. 67–167.

<sup>15</sup> Степанов Д. И. Устав как форма сделки // Вестник гражданского права. 2009. Т. 9. № 1. С. 4–62.

<sup>16</sup> Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М.: Статут, 2017. С. 11–16.

<sup>17</sup> Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>18</sup> Чупрунов И. С. Начало «новой жизни» в российском корпоративном праве. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 8. С. 25–68.

<sup>19</sup> Пп. 1 п. 3 ст. 307.1 ГК РФ.

быть заложено в его правовое регулирование, чтобы обеспечить его соответствие принципам автономии воли и свободы договора и частно-правовой справедливости в целом?».

Для ответа на поставленные научные вопросы мы предлагаем обратиться к нормам ГК РФ, регулирующим изменение и расторжение договора, чтобы определить некий базовый стандарт принудительного прекращения договорных отношений. Глава 29 ГК РФ, хотя она и лишена четкости и последовательности в связи с введением ст. 450.1 и значительным изменением ст. 310 в 2015 г.<sup>20</sup>, предлагает две общие модели для расторжения договора: одностороннее расторжение посредством отказа от его исполнения одной из сторон и расторжение по решению суда в случае, если инициатору такого расторжения удастся доказать наличие одного из специально предусмотренных законом оснований.

В основе первой модели лежит выражение преобразовательного волеизъявления стороны договора на его прекращение, не зависящее от сложно проверяемого обстоятельства<sup>21</sup>. Подобная распорядительная сделка может быть совершена либо в соответствии с прямо оговоренными в законе обстоятельствами<sup>22</sup>, либо на основании ранее достигнутых договоренностей сторон, ко-

торые являются прямым выражением свободы договора: лица, вступающие в договорные отношения, вправе определить порядок их прекращения и заранее согласиться с правом другой стороны их принудительно расторгнуть. Этой модели присущи две основные характеристики: четкая преобразовательная (распорядительная) воля иницирующей стороны на выход из договорных отношений (прекращение) и отсутствие сложной системы юридических фактов, выступающих основанием для реализации такой воли<sup>23</sup>.

Основные компоненты этой модели позволяют провести параллель со специальными механизмами корпоративного права, обрамляющими право участника покинуть общество, участие в котором ему по различным причинам более не интересно: выходом участника из общества с ограниченной ответственностью и выкупом акций акционерным обществом<sup>24</sup>. Для их активации участнику корпорации также необходимо выразить активную волю на прекращение корпоративных отношений (посредством заявления о выходе или требования о выкупе соответственно), однако, следуя принципу большинства, не позволяющему одному участнику решить судьбу общества в целом<sup>25</sup>, прекращение происходит только в отношении

<sup>20</sup> Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.

<sup>21</sup> *Егоров А. В.* Распорядительные сделки: выйти из сумрака // Вестник гражданского права. 2019. № 6. С. 51–107.

<sup>22</sup> В данном исследовании мы не хотели бы затрагивать подобные случаи и анализировать связанные с ними основания; предлагаем исходить из того, что закрепленное в законе право стороны договора отказаться от его исполнения в целом юридически и экономически обоснованно: например, право сторон договора аренды на отказ от договора (ст. 782 ГК РФ) обусловлено требованием о выплате фактически понесенных расходов или убытков, что, по замыслу законодателя, должно митигировать потенциальный ущерб от одностороннего прекращения договорных отношений.

<sup>23</sup> Эта характеристика, как будет указано далее, противопоставляется абстрактному понятию «существенное нарушение», выступающему ключевым для второй модели расторжения договора. При этом мы не исключаем права сторон своим соглашением предусмотреть сложное фактическое основание для заявления отказа от исполнения договора, хотя это и будет противоречить практической цели разрешения вопросов расторжения в самом договоре.

<sup>24</sup> *Майфат А. В., Гордеев П. А.* Выход участника из общества с ограниченной ответственностью: диспозитивность регулирования и ее пределы // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 35–48.

<sup>25</sup> *Степанов Д. И.* Свобода договора и корпоративное право // Гражданское право и современность : сборник статей, посвященный памяти М. И. Брагинского / под ред. В. Н. Литовкина, К. Б. Ярошенко ; ИЗиСП при Правительстве РФ. М. : Статут, 2013. С. 342–344.

такого участника посредством распределения принадлежащих ему корпоративных прав между другими сторонами корпоративной сделки. В части оснований для удовлетворения такой воли законодатель выбрал два различных подхода. Закон об акционерных обществах предусматривает закрытый перечень оснований для заявления акционером требования о выкупе принадлежащих ему акций<sup>26</sup>, который ввиду императивной формулировки нормы не подлежит изменению, что подтверждается выводом судов о его исчерпывающем характере<sup>27</sup>. Закон об ООО, следуя более диспозитивному подходу, применяемому законодателем к регулированию обществ с ограниченной ответственностью, во-первых, позволяет исключить право на выход из общества по единогласному решению участников (п. 1 ст. 26) и, во-вторых, предлагает различные способы его ограничения через предоставление такого права только отдельным участникам общества или посредством его активации только при наступлении определенных обстоятельств (п. 1.2 ст. 26).

Помимо этого, по общему правилу участник не ограничен в праве передать свое участие в корпоративной сделке (то есть совершить отчуждение долей в уставном капитале или акций) третьему лицу или другому участнику — в любой конфигурации сделки его интерес в прекращении отношений участия будет реализован. Использование различных ограничений этого права (преимущественное право покупки акций или долей, необходимость получения согласия других участников на отчуждение третьему лицу и пр.) в каждом случае обусловлено волей участников корпорации по внесению соответствующих изменений в устав<sup>28</sup> или присоединению

к корпоративной сделке, содержание которой уже подразумевает такие ограничения.

Отметим, что все описанные нами способы прекращения отношений участия имеют ограниченный характер в том смысле, что разрывают связь только одного участника с обществом, тогда как расторжение договора по любому основанию прекращает его в целом, за исключением отдельных отношений, связанных, например, с возвратом неравномерного встречного исполнения или применением мер ответственности. Подобный эффект в договорном понимании корпорации является следствием теории «пучка контрактов»: после прекращения отношения членства одного участника остальные договорные связи общества продолжают свое существование в неизменном виде, если только изменение не связано с перераспределением прав участия. Соответственно, аналогичные юридические последствия будут применимы и к исключению участника.

Модель расторжения по решению суда по общему правилу может быть реализована по двум различным основаниям: в связи с существенным изменением обстоятельств или при существенном нарушении договора другой стороной. Изменение или прекращение корпоративной сделки в связи с существенным изменением обстоятельств (по аналогии с тем, как последствия существенного изменения обстоятельств для договора описаны законодателем в п. 1 ст. 451 ГК РФ), по нашему мнению, противоречит корпоративным отношениям в целом: хозяйственное общество характеризуется длительным периодом своей деятельности и длительными же связями между его участниками, которые в подавляющем большинстве слу-

<sup>26</sup> П. 1, 1.1 ст. 75 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

<sup>27</sup> Постановление Президиума ВАС РФ от 30.10.2012 № 6936/12 по делу № А51-12302/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>28</sup> На основании упомянутого выше принципа большинства при дополнении устава общества ограничениями на отчуждение долей или акций воля миноритариев может противоречить принятому решению, из-за чего они будут вынуждены претерпевать их действие. Такое нарушение автономии воли, по нашему мнению, является спорным, но не лишенным практического основания с точки зрения обеспечения контроля мажоритария за условиями корпоративной сделки.

чаев не зависят от конкретных обстоятельств<sup>29</sup>. Поэтому одним из принципов построения корпоративного законодательства является возможность его применения независимо от изменения фактических, в том числе политических или экономических, обстоятельств. Мы не исключаем теоретическую состоятельность противоположной позиции, однако рассуждение о применении норм о существенном изменении обстоятельств к корпоративным отношениям и оценка потенциальных последствий этого лежат за рамками темы настоящей работы.

Непосредственно же к нашему исследованию относится механизм расторжения договора в связи с его существенным нарушением. Пункт 2 ст. 450 ГК РФ определяет в качестве существенного нарушение, влекущее для другой стороны такой ущерб, при котором она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора. Высшие суды, продолжая заданную законодателем линию, последовательно воздерживаются от нормативных разъяснений в отношении понятия существенного нарушения, поддерживая идею полной свободы судебного усмотрения при оценке нарушений и формируя практику лишь через прямое указание на отдельные конкретные нарушения, которые, по мнению суда, являются существенными универсально, то есть независимо от иных обстоятельств<sup>30</sup>. Поскольку подобные примеры невозможно переложить на корпоративные отношения, наш анализ модели судебного расторжения договора остается ограниченным выделением ее двух ключевых компонентов: во-первых, основанием такого расторжения является нарушение настолько значительное по отношению к договорной связи, что она теряет свой экономический смысл для хотя

бы одной из сторон соглашения, и, во-вторых, право констатировать, что такое нарушение произошло и действительно имело такой эффект, предоставляется только суду.

Подводя промежуточный итог, мы хотели бы сделать вывод о прямой корреляции между механизмами расторжения договора в связи с существенным нарушением и исключения участника. На теоретическом уровне возможно утверждать, что второй является если не формой, то логическим продолжением первого (он приобрел свою специфику и был адаптирован законодателем к корпоративным отношениям): теперь его основанием (первым из названных выше компонентов) является не утрата экономического смысла договорной связи, а существенное затруднение деятельности общества и достижения целей, ради которых оно было создано. Второй компонент (принятие судом решения, констатирующего прекращение относительной правовой связи) дополняется необходимостью определения действительной стоимости доли (акций) для ее дальнейшей выплаты исключаемому участнику.

Для более подробного анализа мы предлагаем обратиться к формулировкам ст. 10 Закона об ООО как исторически первого нормативного закрепления механизма исключения. Норма содержит два важных элемента: требование к участнику, реализующему право требовать исключения, и условие для такого исключения, выраженное в характеристике действий участника-ответчика и их последствий для корпорации.

Закон об ООО прямо указывает, что требовать исключения может только множество участников (один или несколько участников, подающие совместный иск), обладающих в совокупности не менее чем 10 % уставного

<sup>29</sup> В деловой практике распространено также создание совместных предприятий или проектных обществ в целях выполнения конкретной задачи, что телеологически более близко к заключению договора для получения определенного экономического блага. В случае если такая задача не может быть достигнута, в том числе из-за изменившихся обстоятельств, участники могут обратиться к специальному статутному механизму принудительной ликвидации общества на основании пп. 5 п. 3 ст. 61 ГК РФ.

<sup>30</sup> Например, Верховный Суд РФ указал, что неисполнение покупателем обязанности по оплате переданного ему продавцом товара относится к существенным нарушениям условий договора купли-продажи (п. 8 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 5 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 декабря 2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 12).

капитала общества. Сложно не согласиться с Л. В. Кузнецовой, которая выдвинула предположение, что эта цифра выбрана произвольно, и предлагала снизить ее до одного процента<sup>31</sup>, как мы полагаем, по аналогии с нормами об оспаривании экстраординарных сделок общества с ограниченной ответственностью<sup>32</sup>. В контексте непубличных обществ сложно говорить об эффективности такого низкого барьера, но позиция о необходимости его установки является выражением специфики корпоративных отношений: справедливо и разумно для любого юридического действия, затрагивающего корпорацию, установить такое ограничение (чаще всего формулируемое через определенный процент владения корпоративными правами), которое исключит оппортунистское поведение миноритариев — корпоративный шантаж и прочие формы намеренного затруднения деятельности общества. Такой подход значительно отличается от описанных выше общих механизмов расторжения договорных отношений: в них не существует деления на условно миноритарные и мажоритарные стороны, и каждая из них вправе заявить свое требование об их прекращении, поскольку субъект простого по структуре относительного правоотношения является его ключевым и необходимым элементом. Корпоративный «пучок контрактов» лишен такой простоты ввиду возможной множественности участников корпорации, обладающих разным весом (объемом прав участия) для корпоративного правоотношения в целом. Однако мы полагаем, что специфика механизма исключения не позволяет ограничивать участников корпорации в праве заявлять соответствующее требование независимо от объема их корпоративных прав, что обуславливается тремя причинами, которые будут рассмотрены далее.

Во-первых, ограничение, применимое к оспариванию экстраординарных сделок, затрагивает отношения общества с третьими лицами и положительно влияет на их стабильность

через исключение оппортунистских действий со стороны микроучастников, тем самым обосновывая свое существование. В случае же с требованием об исключении потенциальный спор существует между участниками и затрагивает общество и его контрагентов лишь опосредованно, не создавая прямой угрозы для действительности отдельных сделок и гражданского оборота в целом. Возможный аргумент о том, что действующий 10-процентный барьер также ограничивает оппортунистское поведение, снижает нагрузку с судов и в целом повышает правовую определенность, не подтверждается на практике: участник, обладающий менее чем 10 % уставного капитала общества и желающий подать безосновательный иск к своему товарищу по корпоративной сделке, имеет полное право направить требование о возмещении ему или обществу убытков, причиненных в связи с нарушением обязанностей участника корпорации<sup>33</sup>, и для такого требования не существует никакого барьера, равно как и не является актуальной дискуссия о его установлении. С учетом этого и придерживаясь общей позиции, согласно которой материальное право в целом не способно эффективно разрешить проблему оппортунистских исков и перегруженности судебной системы, разумно переложить эту задачу на систему арбитражных судов, которые перед рассмотрением спора по существу должны отказывать в принятии иска в связи с отсутствием реальных оснований для его заявления и тем более удовлетворения. Такой *ex-post*-подход в сравнении с *ex-ante*-барьером устранил ограничения для лиц, действительно нуждающихся в защите своего права на ведение общего дела в рамках корпорации, и обеспечит защиту от оппортунистских исков посредством реального анализа конкретных обстоятельств потенциального спора, а не через установление абстрактного барьера. Кроме того, мы полагаем, что полное устранение *ex-ante*-барьера может быть негативно воспринято оборотом из-за

<sup>31</sup> Кузнецова Л. В. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью: практика применения действующего законодательства. М. : Юстицинформ, 2008. С. 116–117.

<sup>32</sup> П. 6 ст. 45, п. 4 ст. 46 Закона об ООО.

<sup>33</sup> П. 4 ст. 65.2, п. 1 ст. 67 ГК РФ.

увеличения количества исков об исключении, поэтому возможно применение диспозитивных подходов, таких как закрепление права единогласным решением участников установить процентный барьер в уставе либо включить в него альтернативные механизмы, например «предварительный фильтр» в форме решения общего собрания<sup>34</sup>.

Во-вторых, природа требования об исключении отличается от иных корпоративных требований, право на заявление которых обусловлено владением определенным объемом корпоративных прав. Так, информационные требования и требования, касающиеся созыва общего собрания участников, являются формой реализации корпоративных прав участника по отношению к обществу, и наряду с описанными выше исками об оспаривании экстраординарных сделок они представляют собой одну из форм реализации права участника осуществлять контроль за деятельностью менеджмента, что также является корпоративным правом по отношению к обществу. Требование об исключении, в свою очередь, не вытекает из прав участника по отношению к обществу — оно направлено к другой стороне корпоративной сделки и выражает природу корпорации как общего дела, участники которого вправе понуждать друг друга выполнять принятые на себя обязательства и в случае их существенного нарушения требовать частичного разрыва товарищеского соглашения в отношении таких нарушителей. Соответственно, отсутствуют основания для применения аналогии с другими корпоративными требованиями с целью объяснения барьера для требований об исключении ввиду их различной природы. Мы не можем выделить и каких-либо экономических оснований, позволяющих ограничивать круг участников, которые могут заявить такое требование, опираясь на существо корпоративной сделки.

В-третьих, обратной стороной 10-процентного барьера является иммунитет от исключения для супермажоритарного участника, пакет корпоративных прав которого превышает 90 %. Такой эффект, помимо прямого противоречия позиции Верховного Суда РФ, согласно которой мажоритарный участник не должен быть защищен от исключения только ввиду размера своего участия в обществе<sup>35</sup>, признается в юридической науке необоснованным и несправедливым<sup>36</sup>, а также создает условия для злоупотреблений такого супермажоритарного участника по отношению как к миноритарным участникам, так и к корпорации. Исключение барьера для заявления подобных требований полностью устранило проблему иммунитета супермажоритариев.

Заканчивая рассуждение о процентном барьере для заявления требования об исключении, необходимо отметить, что формулировка абз. 4 п. 1 ст. 67 ГК РФ, вступившего в силу значительно позже аналогичной ст. 10 Закона об ООО и фактически распространяющегося только на непубличные акционерные общества, не содержит каких-либо требований к акционеру, заявляющему требование в том числе к количеству принадлежащих ему акций. Такая дифференциация для различных категорий хозяйственных обществ никак не объяснена законодателем и не соответствует принятой логике корпоративного регулирования, подразумевающей более строгие барьеры для акционеров, а не участников общества с ограниченной ответственностью. С учетом наших рассуждений о справедливости установления барьера независимо от организационно-правовой формы корпорации возможно поставить вопрос о необходимости распространения подхода, отраженного в ГК РФ, на общества с ограниченной ответственностью. С точки зрения юридической техники одним из вариантов такой унификации будет исключение ст. 10 из Закона об ООО, что полностью устранило дублирующее правовое регулирование и лишь

<sup>34</sup> Гутников О. В. Исключение участника юридического лица: мера ответственности и способ защиты корпоративных прав // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 2. С. 114–115, 126.

<sup>35</sup> П. 8 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах.

<sup>36</sup> Кузнецов А. А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. С. 70–73.

расширит права участников общества с ограниченной ответственностью.

Переходя к основаниям для удовлетворения требования как основному компоненту механизма исключения, мы хотели бы сразу сделать оговорку, что в этой части в качестве преваляющего текста будем использовать формулировку абз. 4 п. 1 ст. 67 ГК РФ как более актуальную по времени и полную по содержанию (а также потенциально выступающую базой для унификации регулирования, как описано выше) и будем рассматривать разъяснения, формально относящиеся к ст. 10 Закона об ООО, как применимые к институту исключения участника в целом.

Как и при описании существенного нарушения в качестве основания для расторжения договора, законодатель сформулировал условия, выполнение которых требуется для исключения участника, посредством указания на последствия нарушения корпоративных обязанностей: такое нарушение должно причинить существенный вред корпорации либо иным образом затруднить ее деятельность и достижение целей, ради которых она создавалась. Согласно прямому указанию ГК РФ, достигнуть таких последствий, помимо прочего, возможно, «грубо нарушая» свои обязанности, предусмотренные законом или учредительными документами корпорации. Нормативное судебское толкование этих положений разделилось на два основных направления: описание конкретных действий, которых достаточно для исключения, и разработку дополнительных условий, которые не следуют прямо из текста ГК РФ.

В первом случае, например, Верховный Суд РФ указал, что основанием для исключе-

ния может являться систематическое уклонение без уважительных причин от участия в общем собрании, лишаящее общество возможности принимать значимые хозяйственные решения по вопросам повестки дня, а также совершение участником действий, противоречащих интересам общества, в том числе при выполнении функций единоличного исполнительного органа<sup>37</sup>, если непринятие таких решений или совершение таких действий причиняет обществу существенный вред и (или) делает его деятельность невозможной либо существенно ее затрудняет<sup>38</sup>. Воздерживаясь от подробной качественной оценки приведенных оснований<sup>39</sup>, можно провести параллель между таким судебным толкованием и упомянутыми выше разъяснениями высших судов в отношении критерия существенности нарушения для целей судебного расторжения договора: в обоих случаях суды стремятся унифицировать практику без ущерба для широты и универсальности изначальной нормы закона. Данный подход еще более соответствует специфике корпоративных отношений, где правом задана лишь общая форма отношения, а их наполнение зависит от коммерческих или в целом экономических условий, в отличие от договорного права, подразумевающего, что в рамках одного договорного типа содержание отношений сторон в определенной степени сходно. Научная дискуссия в связи с подобными разъяснениями возникла только в отношении позиции Высшего Арбитражного Суда РФ, согласно которой для оценки поведения исключаемого участника имеют значение в том числе действия, которые тот осуществлял от имени общества как его единоличный исполнительный орган или представитель по доверен-

<sup>37</sup> В качестве примеров таких действий Верховный Суд РФ приводит причинение значительного ущерба имуществу общества, недобросовестное совершение сделки в ущерб интересам общества, экономически необоснованное увольнение всех работников, осуществление конкурирующей деятельности, голосование за одобрение заведомо убыточной сделки.

<sup>38</sup> П. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25.

<sup>39</sup> Отдельно следует отметить, что каждое из уточнений, сделанных Верховным Судом РФ, несет в себе значительный оценочный компонент, который не связывает судей, а позволяет им осуществить предметную оценку конкретных действий участника в рамках отдельно взятой корпорации, что в теории должно повысить качество правосудия, но на практике может выразиться в потерянности судов в абстрактных терминах вроде «значимых решений» и «существенного затруднения деятельности общества».

ности<sup>40</sup>. Отражая специфику корпоративного управления в большинстве российских корпораций, такой подход на теоретическом уровне создает смешение правоотношений участия в корпорации и правоотношений управления корпорацией: как утверждала Л. В. Кузнецова, само по себе ненадлежащее осуществление управленческих функций не может являться основанием для исключения, и условием для активации механизма может быть только содействие участника собственным недобросовестным действиям в качестве руководителя<sup>41</sup>. Несмотря на то что подобный вывод не нашел поддержки в судебной практике, его предпосылки в части смешения формально не зависящих друг от друга юридических статусов являются верными, и их учет при применении механизма исключения участника лишь демонстрирует, что для эффективного корпоративного регулирования реальные особенности управления *close corporations*<sup>42</sup>, к которым можно отнести большинство российских обществ, имеют большее значение, чем формальное соблюдение структуры гражданского правоотношения.

Возвращаясь к нормативному судебскому толкованию, обратимся ко второй категории разъяснений — установлению высшими судами дополнительных условий его реализации. Одним из них стало требование об отсутствии оснований для исключения лица, заявляющего соответствующий иск<sup>43</sup>. Хотя практическое значение такого ограничения очевидно<sup>44</sup>, оно

создает потенциальные ситуации «запирания» нескольких участников в корпорации без возможности прекратить корпоративный конфликт с применением предоставленных законом механизмов. Право заявить иск об исключении нарушающего свои обязанности участника не должно восприниматься как универсальное средство разрешения любого корпоративного конфликта, особенно учитывая доступность иных механизмов<sup>45</sup> и допустимую законом фрустрацию корпоративной сделки, влекущую принудительную ликвидацию общества<sup>46</sup>. Ввиду этого вполне справедливым представляется введение дополнительных ограничений для требования об исключении в условиях корпоративного конфликта, не снижающих эффективности механизма в целом, но лишаящих возможности его оппортунистского использования недобросовестными участниками корпоративной сделки. Верховный Суд РФ пошел по иному пути, видимо опасаясь, что суды нижестоящих инстанций будут необоснованно отказывать в подобных исках при заявлении аргумента о наличии конфликта между участниками корпорации: им было прямо указано, что наличие корпоративного конфликта, а также равное распределение долей между сторонами корпоративного конфликта не является основанием для отказа в иске об исключении участника из общества<sup>47</sup>. Верховный Суд РФ отдельно высказался о том, что закон не устанавливает ограничений на исключение из общества с ограниченной ответ-

<sup>40</sup> П. 2, 3 информационного письма Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 № 151.

<sup>41</sup> Кузнецова Л. В. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью // Вестник ВАС РФ. 2006. № 9. С. 11–12.

<sup>42</sup> O'Kelley C. Filling Gaps in the Close Corporation Contract: A Transaction Cost Analysis // Nw. U. L. Rev. 1992. Vol. 87. No. 216. P. 216–253.

<sup>43</sup> П. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25.

<sup>44</sup> В ситуации корпоративного конфликта, когда каждая из его сторон может заявить встречные требования об исключении, использование подобной отсечки не допускает возникновения сценария взаимного исключения и потенциальной проблемы исключения всех участников общества в рамках одного спора.

<sup>45</sup> Об альтернативных средствах разрешения корпоративных конфликтов см., например: Фейзрахманова Д. Р. Корпоративный договор и иные соглашения как правовой инструмент предупреждения и разрешения корпоративных конфликтов // Российская юстиция. 2020. № 12. С. 12–15.

<sup>46</sup> П. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25.

<sup>47</sup> П. 7 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах.

ственностью его участника, обладающего более чем 50 % долей в уставном капитале общества<sup>48</sup>. Проблему иммунитета от исключения мы уже затрагивали выше; полагаем, отсутствуют основания для установления какого-либо порога владения, обеспечивающего участнику защиту от исключения, и приведенное разъяснение только поддерживает эту научную позицию и сдерживает суды от принятия несправедливых решений, опирающихся только на объем корпоративного контроля мажоритария.

Перечисленные нами нормативные разъяснения, с одной стороны, не исключают понимания требования об исключении участника как частного случая судебного расторжения договора, которым выступает корпоративная сделка между участниками корпорации, а с другой — подчеркивают сходство между процедурами исключения участника и расторжения договора в связи с существенным нарушением: в обоих случаях высшие суды применяют аналогичные инструменты при судебном нормотворчестве, косвенно подтверждая, что на уровне правоприменения может быть использован один принцип оценки существенности нарушения применительно и к стороне договора, и к участнику корпорации. Границы этого принципа, как мы уже отмечали, целенаправленно остаются в тексте закона размытыми, и судебные разъяснения сужают его только применительно к экстраординарным ситуациям или к определенным наборам юридических фактов, которые со значительной вероятностью имеют универсальное юридическое последствие независимо от иных обстоятельств спора.

Исходя из этого, мы можем прийти к выводу, что исключение участника действительно по своей сути сходно с расторжением договора при его существенном нарушении, так как оба

механизма объединяет условие их применения — допущение участником или стороной соглашения такого нарушения возложенных на них обязанностей, которое либо лишает юридические отношения экономического смысла, либо существенно затрудняет достижение правовой цели таких отношений. Соответственно, в контексте принципов автономии воли и свободы договора оба механизма вызывают одинаковый вопрос: возможно ли нарушение воли лица и его права на участие в договоре, в том числе в корпоративной сделке, если он допускает достаточно существенное его нарушение. Мы полагаем, что да, ведь интересы лица, поступающего явно противоправно (нарушая взятые на себя договорные или корпоративные обязанности) и недобросовестно (не учитывая экономический смысл этих обязанностей), не могут превалировать над интересами его контрагентов. Данный аргумент более ярко выражен в корпоративном праве, где принят принцип большинства: общество продолжает свою деятельность независимо от деструктивной воли одного из участников, и его выбытие из общества должно иметь относительно ограниченное значение для общества, а следовательно, и гражданского оборота в целом. В то же время законодатель обеспечивает и интересы исключаемого участника, устанавливая требование о выплате ему действительной стоимости доли<sup>49</sup>.

При этом, как уже было отмечено выше, институт исключения участника не лишен теоретических и практических недостатков. Один из них заключается в установлении произвольного 10-процентного барьера для заявления такого требования. Одной из возможных опций его устранения может выступить не только уменьшение порога, но и его полное исключение с передачей функции защиты от оппортунист-

<sup>48</sup> П. 8 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах.

<sup>49</sup> Сложно говорить об абсолютной соразмерности ценности доли для участника ее действительной стоимости, как она определяется в соответствии с Законом об ООО, но представляется, что в условиях судебного спора будет затруднено проведение независимой оценки, которая, помимо прочего, в идеале должна учитывать экономическое положение общества до инициации спора об исключении. Частично разрешить эту проблему позволит высказываемое далее предложение об установлении права участников закрепить порядок определения выплачиваемой в случае исключения суммы в уставе.

ского поведения арбитражным судам первой инстанции или установлением альтернативных ограничений, описанных нами выше.

Если же рассуждать об общем соответствии механизма исключения принципам автономии и свободы договора, необходимо отметить его полную императивность. Участники лишены возможности адаптировать применение этого института под иные условия корпоративной сделки, заключенной в отношении конкретного общества, из-за чего, помимо очевидного повышения транзакционных издержек, может возникнуть также ситуация правовой неопределенности: действия, оцениваемые участником как не выполняющие условия исключения, могут быть квалифицированы судом как выполняющие. Мы признаем, что понижение стандарта, изложенного в абз. 4 п. 1 ст. 67 ГК РФ, может негативно сказаться на защите прав участников и в целом противоречит последовательной логике корпоративного правотворчества, из-за чего возможна имплементация диспозитивной нормы по модели п. 5 ст. 434.1 ГК РФ, подразумевающей право участников своим единогласным решением конкретизировать в уставе общества, какие нарушения будут достаточными для исключения. Подобный подход позволит в определенной степени синхронизировать действие механизма исключения с иными договоренностями участников (например, опционами на выкуп одного из участников в тупиковой ситуации или штрафными неустойками за совершение действий, влекущих возникновение такой ситуации), что расширит набор доступных им средств правовой защиты. Важнейшим здесь представляется сохранение экстраординарного характера механизма исключения, что можно обеспечить через ввод дополнительного ограничения для удовлетворения иска: между истцом и ответчиком должны отсутствовать какие-либо договоренности на случай возникновения тупиковой ситуации или существенного нарушения корпоративных обязанностей, которые должны превалировать над статутным механизмом исключения. Только если истцу не удастся эффективно привести в силу эти договоренности

и обеспечить продолжение деятельности общества, возможно будет удовлетворение иска об исключении.

Дополнительно следует разрешить проблему компенсации исключаемому участнику, связанную с ограниченностью расчетов только формально определяемой действительной стоимостью доли. Разумным представляется дополнительно защитить экономический интерес исключаемого участника, предоставив участникам общества право закрепить в уставе порядок определения компенсации, выраженный посредством формулы или указания на независимую оценку, размер которой в любом случае должен составить не менее действительной стоимости изымаемой доли.

Подводя итог исследованию, мы хотели бы еще раз отметить уникальную роль механизма исключения среди корпоративных требований и способов разрешения конфликтов, обеспечиваемого статутной процедурой и широко применяемого на практике. Он является логичным продолжением и частным случаем модели расторжения договора при существенном нарушении и соответствует допущению о договорной природе корпорации. Императивный характер механизма в определенной степени ограничивает свободу совместной деятельности сторон корпоративной сделки и создает для них дополнительные издержки и правовую неопределенность в части квалификации отдельных нарушений как достаточных для исключения. Отдельные элементы этого института, имеющие явно несправедливый и несистемный характер, могут быть излечены точечными изменениями действующего законодательства. В работе предложены также дополнительные модификации института, направленные как на повышение его эффективности при взаимодействии с иными условиями корпоративной сделки, так и на обеспечение его соответствия принципам автономии воли и свободы договора. Дальнейшее рассмотрение темы исследования может быть связано с подробной оценкой критериев исключения участника в контексте существенности нарушения корпоративной сделки.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абдулкадиров Т. Принудительное исключение участника из непубличной компании : монография. — М. : Юстицинформ, 2021. — 164 с.
2. Бирюков Д. О. До минор: реквием для миноритариев в мажорной тональности / вступ. сл. И. С. Шиткиной. — М. : Статут, 2020. — 300 с.
3. Гутников О. В. Исключение участника юридического лица: мера ответственности и способ защиты корпоративных прав // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2015. — № 2. — С. 102–127.
4. Егоров А. В. Распорядительные сделки: выйти из сумрака // Вестник гражданского права. — 2019. — № 6. — С. 51–107.
5. Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. — М. : Норма, Инфра-М, 2014. — 240 с.
6. Коуз Р. Природа фирмы // Теория фирмы. — СПб., 1995. — С. 11–32.
7. Кузнецов А. А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. — М. : Статут, 2014. — 141 с.
8. Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. — М. : Статут, 2017. — 160 с.
9. Кузнецова Л. В. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью: практика применения действующего законодательства. — М. : Юстицинформ, 2008. — 160 с.
10. Кузнецова Л. В. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью // Вестник ВАС РФ. — 2006. — № 9.
11. Кулагин М. И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо. — М., 1987. — 176 с.
12. Ломакин Д. В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник ВАС РФ. — 2012. — № 9. — С. 6–33.
13. Майфат А. В., Гордеев П. А. Выход участника из общества с ограниченной ответственностью: диспозитивность регулирования и ее пределы // Журнал российского права. — 2019. — № 4. — С. 35–48.
14. Степанов Д. И. Свобода договора и корпоративное право // Гражданское право и современность : сборник статей, посвященный памяти М. И. Брагинского / под ред. В. Н. Литовкина, К. Б. Ярошенко ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. — М. : Статут, 2013. — С. 314–398.
15. Степанов Д. И. Устав как форма сделки // Вестник гражданского права. — 2009. — Т. 9. — № 1. — С. 4–62.
16. Фейзрахманова Д. Р. Корпоративный договор и иные соглашения как правовой инструмент предупреждения и разрешения корпоративных конфликтов // Российская юстиция. — 2020. — № 12. — С. 12–15.
17. Цепов Г. В. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью как принудительное расторжение корпоративного контракта // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2017. — № 10. — С. 96–113.
18. Чупрунов И. С. Начало «новой жизни» в российском корпоративном праве. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2020. — № 8. — С. 25–68.
19. Чупрунов И. С. Отдельные проблемы реализации преимущественного права покупки доли (акций) // Вестник гражданского права. — 2020. — № 6. — С. 67–167.
20. Eisenberg M. A. The Conception That the Corporation Is a Nexus of Contracts, and the Dual Nature of the Firm // The Journal of Corporation Law. — 1999. — Vol. 24. — No. 4. — P. 819–836.
21. O'Kelley C. Filling Gaps in the Close Corporation Contract: A Transaction Cost Analysis // Nw. U. L. Rev. — 1992. — Vol. 87. — No. 216. — P. 216–253.

Материал поступил в редакцию 16 июля 2024 г.

## REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abdulkadirov T. Prinuditel'noe isklyucheniye uchastnika iz nepublichnoy kompanii: monografiya. — M.: Yustitsinform, 2021. — 164 s.
2. Biryukov D. O. Do minor: rekviem dlya minoritariyev v mazhornoj tonalnosti / vstup. sl. I. S. Shitkinoy. — M.: Statut, 2020. — 300 s.
3. Gutnikov O. V. Isklyucheniye uchastnika yuridicheskogo litsa: mera otvetstvennosti i sposob zashchity korporativnykh prav // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2015. — № 2. — S. 102–127.
4. Egorov A. V. Rasporyaditelnye sdelki: vyyti iz sumraka // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2019. — № 6. — S. 51–107.
5. Korshunov N. M. Konvergentsiya chastnogo i publichnogo prava: problemy teorii i praktiki. — M.: Norma, Infra-M, 2014. — 240 s.
6. Kouz R. Priroda firmy // Teoriya firmy. — SPb., 1995. — S. 11–32.
7. Kuznetsov A. A. Isklyucheniye uchastnika iz obshchestva s ogranichennoy otvetstvennostyu. — M.: Statut, 2014. — 141 s.
8. Kuznetsov A. A. Predely avtonomii voli v korporativnom prave: kratkiy ocherk. — M.: Statut, 2017. — 160 s.
9. Kuznetsova L. V. Isklyucheniye uchastnika iz obshchestva s ogranichennoy otvetstvennostyu: praktika primeneniya deystvuyushchego zakonodatelstva. — M.: Yustitsinform, 2008. — 160 s.
10. Kuznetsova L. V. Isklyucheniye uchastnika iz obshchestva s ogranichennoy otvetstvennostyu // Vestnik VAS RF. — 2006. — № 9.
11. Kulagin M. I. Gosudarstvenno-monopolisticheskii kapitalizm i yuridicheskoe litso. — M., 1987. — 176 s.
12. Lomakin D. V. Kontseptsiya snyatiya korporativnogo pokrova: realizatsiya ee osnovnykh polozheniy v deystvuyushchem zakonodatelstve i proekte izmeneniy Grazhdanskogo kodeksa RF // Vestnik VAS RF. — 2012. — № 9. — S. 6–33.
13. Mayfat A. V., Gordeev P. A. Vykход uchastnika iz obshchestva s ogranichennoy otvetstvennostyu: dispozitivnost regulirovaniya i ee predely // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2019. — № 4. — S. 35–48.
14. Stepanov D. I. Svoboda dogovora i korporativnoye pravo // Grazhdanskoe pravo i sovremennost: sbornik statey, posvyashchennyy pamyati M. I. Braginskogo / pod red. V. N. Litovkina, K. B. Yaroshenko; Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF. — M.: Statut, 2013. — S. 314–398.
15. Stepanov D. I. Ustav kak forma sdelki // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2009. — Т. 9. — № 1. — S. 4–62.
16. Feyzrakhmanova D. R. Korporativnyy dogovor i inye soglasheniya kak pravovoy instrument preduprezhdeniya i razresheniya korporativnykh konfliktov // Rossiyskaya yustitsiya. — 2020. — № 12. — S. 12–15.
17. Tsepov G. V. Isklyucheniye uchastnika iz obshchestva s ogranichennoy otvetstvennostyu kak prinuditel'noye rastorzheniye korporativnogo kontrakta // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2017. — № 10. — S. 96–113.
18. Chuprunov I. S. Nachalo «novoy zhizni» v rossiyskom korporativnom prave. Kommentariy k opredeleniyu Sudebnoy kollegii po ekonomicheskim sporam VS RF ot 11.06.2020 № 306-ES19-24912 // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2020. — № 8. — S. 25–68.
19. Chuprunov I. S. Otdelnye problemy realizatsii preimushchestvennogo prava pokupki doli (aktsiy) // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2020. — № 6. — S. 67–167.
20. Eisenberg M. A. The Conception That the Corporation Is a Nexus of Contracts, and the Dual Nature of the Firm // The Journal of Corporation Law. — 1999. — Vol. 24. — No. 4. — P. 819–836.
21. O'Kelley C. Filling Gaps in the Close Corporation Contract: A Transaction Cost Analysis // Nw. U. L. Rev. — 1992. — Vol. 87. — No. 216. — P. 216–253.